

быть осуществлено на основе полипараметричного анализа всех уровней организации текста (синтактики, семантики, прагматики). Тем самым, дискурс масс-медиа предстанет как итог взаимодействия когнитивных и социокультурных факторов в коммуникативном процессе, обладающий рядом языковых и речевых особенностей, что закономерно, как в голографическом сколе, отражают и интегрированные коммуникации.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Семиологический потенциал дискурса / Н. Ф. Алефиренко // Язык. Текст. Дискурс : межвуз. науч. альманах / под ред. Г. Н. Манаенко. – Ставрополь – Пятигорск : ПГЛУ, 2007. – Вып. 5. – С. 31–38.
2. Валгина Н. С. Основные проблемы изучения языка современных СМИ / Н. С. Валгина // Язык и стиль современных средств массовой информации : межвуз. сб. науч. тр. – Москва : МГУП, 2007. – С. 7–18.
3. Рогозина И. В. Медиа-картина мира: когнитивно-семиологический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. В. Рогозина. – Барнаул, 2003. – 42 с.

References

1. Alefirenko N. F. Semiologicheskij potencial diskursa // Jazyk. Tekst. Diskurs / ed. G. N. Manaenko. Stavropol' – Pjatigorsk, 2007. Iss. 5, pp. 31–38.
2. Valgina N. S. Osnovnye problemy izuchenija jazyka sovremennyh SMI // Jazyk i stil' sovremennyh sredstv massovoj informacii. Moscow, 2007, pp. 7–18.
3. Rogozina I. V. Media-kartina mira: kognitivno-semiologicheskij aspekt. Barnaul, 2003. 42 p.

К ВОПРОСУ О ТОПОФОРМАНТАХ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

Баракхоева Нина Мустафаевна, доктор филологических наук, директор, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук имени Чаха Ахриева, 386001, Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Д. Мальсагова, 11.

В статье анализируются аффиксы, при участии которых образуются топонимы в ингушском языке. Указывается на то, что синхронно топоформанты в основном представляют собой в прошлом аффиксы направительного падежа имён существительных.

Ключевые слова: аффикс, падеж, направительный падеж, топоним, топоформант, маркер, суффикс, имя существительное

TO THE QUESTION OF TOPOFORMANTS IN THE INGUSH LANGUAGE

Barakhoeva Nina M., Doctor of Philological Sciences, director, Ingush Research Institute of Humanities name Chakha Akhriev, 386001, Republic of Ingushetia, Magas, 11 D. Mal'sagov st.

The article analyzes the affixes, which are formed with the participation of place names in the Ingush language. Indicates that the synchronous toponyms mainly represent the past of the guide affixes case of a noun.

Keywords: affix, deaths, deaths of the guide, place name, toponyms, marker suffix noun

Исследованию проблемы топонимов и топоформантов в системе нахских языков посвящено не много работ. Соответственно, данную проблему сложно отнести к разряду изученных и полно исследованных. Так, в нахском языко-

знании представлены научные работы, посвящённые изучению вопросов нахской топонимики и способов образования топонимов в нахских языках [1–4]. В данных работах в качестве словообразовательных аффиксов топонимов характеризуются сегменты имён существительных, выступавшие некогда в качестве маркеров направительного падежа: *-ка*, *-е*, *-ла*, *-х* и исходного падежа: *-ра*.

Указанные форманты с течением времени семантически срослись с основами существительных, и данные существительные в таком виде стали выступать уже в качестве названий населенных пунктов. Соответственно, в данном случае первоначальные падежные окончания теряют свою словоизменительную функцию и переходят в разряд топоформантов.

Таким образом, исследователи подчёркивают, что практически все топонимы нахских языков образуются от наречных форм имён существительных, имеющих различные пространственные значения. Эти существительные представляют собой формы местного падежа, снабженные определёнными формантами или послелогами (*Г1алг1айче*, *Дж1айрах*, *Б1арах*, *Шолхе*, *Эзме*, *Сурхуот1е*, *Духьаргашт1е*).

Известно, что изначально топоформанты присоединялись к основам существительных в качестве падежных окончаний и выступали в роли маркеров значения связи управления «предиката именем-объектом, который заключал в себе признак, свойство местности, на которое указывает действие, выраженное глагольным предикатом» [5, с. 354].

Указывая на тот факт, что преимущественно практически все топонимы ингушского языка исконно ингушского происхождения, А.С. Куркиев акцентирует внимание на наличии в ингушском языке следующих суффиксов топонимобразования: *-х*, *-ра*, *-л*, *-е*, *-на*, *-ка* и послелогов с пространственными значениями, указывающими на поверхность или внутрь, используемых при образовании топонимов: *-т//т1а//т1е*, *-ч//че* [3, с. 213].

Существительные, образуемые суффиксом *-е*, в ингушском языке от основы имени существительного, как правило, передают название местности: *Шолхе*, *Хамхе*, *Каьзе*, *Наькисте*, *Дорхе*, *Б1арахе*, *Оздие*, *Цизде*, *Бирге* и т.д.

Данный суффикс является маркером направительного падежа, который изначально присоединялся к основе существительного в качестве словоизменительного форманта, затем сросся с производящей основой существительного и начал выступать в роли топоформанта.

Существительные, образуемые суффиксом *-х*, в ингушском языке малочисленны: *Б1арах*, *Лавлах*, *Хьайрах*, *Дьаьттаг1а* // *Дьаьттаг1а*, *Нийлх*, *Мавшх*, *Т1ерх*, *Ц1ерх*, *Т1умах* // *Т1умаг1а* и т.д.

Этимология данного топоформанта возводится к маркеру вещественного падежа *-х*. По мнению К.З. Чокаева, вещественный падеж в древности имел значение пространственности, которое синхронно уже утеряно. В свою очередь, элемент *-г1а* считается вариантом показателя вещественного падежа *-х* [5, с. 354]. Кроме того, в научной литературе отмечается, что данный топоформант имеет место лишь в составе топонимов горной части Ингушетии [5, с. 354].

Существительные, образуемые при участии топоформанта *-на//н*, в ингушском языке также передают наименования местности: *Бейна* // *Бейне*, *Фалха-н-е*, *Хавь-не*, *Белха-н* // *Белха-н-е*. Синхронно данные наименования не поддаются морфемному членению в ингушском языке.

Существительные, образуемые суффиксом *-ли*, так же, как и все выше перечисленные, не столь многочисленны в ингушском языке: *Ц1ели*, *Эрдзели*, *Хьули*, *Кели*. К тому же суффикс *-ли* в современном ингушском языке относится к непродуктивным. Что касается генезиса данного форманта, заметим, что в чеченском языке отмечается наличие топоформанта *-ла*, генетически возводимого к окончанию направительного падежа. Считается, что данный падежный формант преобразовался из словоизменительного в словооб-

разовательный в результате использования его в качестве суффикса слов, обозначающих названия населённых пунктов.

Формант *-ла* в составе таких слов указывал на наличие определённых особенностей данных населённых пунктов. Например, топоним *Хьул-и* указывает на наличие леса в данной местности. Однако в отличие от чеченского языка топоформант *-л* в изолированном виде в ингушском языке не встречается, он практически всегда снабжён ещё одним суффиксом *-и*, представляющим, на наш взгляд, видоизменённый формант *-е*. В совокупности данный топоформант выглядит в ингушском языке как *-ли / -ле*. Срачиваясь в один формант, эти два суффикса (*-л* и *-и/е*) в результате приобретают общее значение нахождения в какой-то местности, характеризующейся наличием в этой местности чего-то, в нашем примере (*Хьули/Хьуле*) это наличие леса.

Следовательно, в ингушском языке есть смысл говорить о наличии топоформанта *-ли/ле* в системе словообразования топонимов.

Существительные, образуемые суффиксом *-ми/-м*, в ингушском языке не распространены: *Эзми, Лейми, Г1алми, Цими (Чми)*. Морфемному членению данные топонимы в современном ингушском языке не поддаются, и установить генезис данного форманта однозначно сегодня не представляется возможным. Обратим внимание на то, что в системе словообразования чеченского языка данный топоформант не выделяется. С уверенностью, на наш взгляд, можно утверждать лишь о том, что в составе данного форманта можно выделить два элемента: *-м* и *-и/е*. Второй элемент *-е* – маркер местного (локативного) падежа, указывающий место нахождения.

Существительные, образуемые суффиксом *-ра/*, в ингушском языке обозначают названия местности. Очевидно, что данные названия этимологически восходят к форме местного падежа исходного имени существительного со значением извлечения: *Оаха-р-е, Мела-р-е, Т1е-р-хе*.

Существительные, образуемые суффиксом *-ка*, в ингушском языке производны от основы имён существительных во множественном числе: *Галашка, Хьамашка, В1овнашка*. Данный формант представляет собой формант местного направительного падежа (*Галашка / к галаям, В1овнашка / к боевым башням*).

Существительные, образуемые суффиксом *-че*, в ингушском языке широко представлены. Вполне очевидной является связь данного суффиксатопоформанта с послелогом *-чу* → *чие / внутрь* → *внутри*. В качестве словообразовательного аффикса данный формант используется лишь в составе топонимов ингушского языка: *Г1алг1айче / Ингушетия, Нохчоче / Чечня, Мужиче / Мужичи, К1арцхалче (к1арцхал / акация, че – послелог), Йоархаче (йоарх – сорняк, че – послелог со значением «внутри»), Буручие / крепость Назрань*.

Существительные, образуемые суффиксом *-т1ие/т1а*, в ингушском языке также распространены среди топонимов данного языка. Считается, что данный формант, представленный в вариантах (*т1ие/т1а/т*), восходит этимологически к послелогу *т1а* со значением «на» и в качестве топоформанта образует существительные со значением места: *Ангуш-т // Онгушт* («а – равнина, *ане* – горизонт, *гуш//гуч* – видимый, *т* ← *т1а* – на, т.е. место, с которого видна равнина» [3, с. 220]): *Нийкоамт1ие / Никоты, Кашемт1ие* (буквально переводится как «на кладбище»).

В составе данного этнонима выделяются два топоформанта: *ие* – суффикс, этимологически восходящий к маркеру местного падежа, *т1а* – послелог со значением «на поверхности» (*Валгамт1е, Ушхармт1е, Сурхомт1е, Духьаргашт1е, Гаьнт1е, Оагумт1е, Мергист1е, Мохкамт1е* и т. д.).

Принятая в ингушской лингвистике этимология данного топоформанта вызывает у нас некоторое сомнение в связи с наличием в данном языке топонимов типа *Къест, Нькисте, Ц1есте, Арште*. Дело в том, что в составе данных топонимов мы встречаем в качестве топоформанта суффикс *-т/тие*.

Нам представляется, что в ингушском языке в данном случае было бы целесообразно различать два топоформанта *-m1a/m1e* и *-ta/me*. Вероятно, последний из них этимологически восходит к послелогу *йисте*, *йист* / *рядом*, *край*, который часто используется в нахских языках в качестве одного из компонентов в топонимобразовании.

Так, например, А.С. Сулейманов, рассматривая этимологию некоторых чеченских топонимов (*М1айста*, *Т1ийста*, *Б1аьниста*), в качестве второго компонента данных сложных имён устанавливает сегмент *-йист* / *край* [4, с. 87].

Полагаем, что топонимы ингушского языка *Къест*, *Наькасте*, *Ц1есте* можно рассматривать как некогда бытовавшие в качестве сложных имён со вторым компонентом *-йист*. Данный компонент с течением времени видоизменился в составе указанных топонимов в результате фонетических процессов. Где-то он сохранился в виде варианта *-сте* (*Наькасте*, *Ц1иесте*, *Алхасте*), а в некоторых же топонимах он представлен вариантом *-тие* (*Цхаралте*, *Арште*) или *-т* (*Къест*).

Следовательно, на наш взгляд, в ингушском языке можно различать топоформант *-m1a/m1e* и топоформант *-сте/те/т*.

Таким образом, нами в ингушском языке устанавливаются следующие аффиксы – топоформанты: *-е*, *-х*, *-на//н*, *-ли*, *-ми//м*, *-ра/р*, *-ка*, *-че*, *-m1e/m1a*, *-сте/те/т*.

Список литературы

1. Дешериев Ю. Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблема происхождения и развития горских кавказских народов / Ю. Д. Дешериев. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное издательство, 1953. – 549 с.
2. Имнайшвили Д. С. К закономерностям развития заимствованных слов в кистинском говоре чеченского языка из грузинского языка / Д. С. Имнайшвили // Иберийско-кавказское языкознание. – Тбилиси, 1959. – С. 78–96.
3. Куркиев А. С. Основные вопросы лексикологии ингушского языка / А. С. Куркиев. – Грозный : Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1979. – 254 с.
4. Сулейманов А. С. Топонимия Чечни / А. С. Сулейманов. – Нальчик, 1997. – 341 с.
5. Чокаев К. З. Морфология чеченского языка. Словообразование / К. З. Чокаев. – Грозный: Изд-во АН ЧР, 2010. – 384 с.

References

1. Desheriev Yu. D. Sravnitelno-istoricheskaya grammatika nahskih yazykov i problema proishozhdeniya i razvitiya gorskih kavkazskih narodov. Groznyiy, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo, 1953. 549 p.
2. Imnayshvili D. S. K zakonomernostyam razvitiya zaimstvovannykh slov v kistinskom govore chechenskogo yazyka iz gruzinskogo yazyka // Iberiysko-kavkazskoe yazykoznanie. Tbilisi, 1959, pp. 78–96.
3. Kurkiev A. S. Osnovnyie voprosyi leksikologii ingushskogo yazyka. Groznyiy, Checheno-Ingushskoe knizhnoe izdatelstvo, 1979. 254 p.
4. Suleymanov A. S. Toponimiya Chechni. Nalchik, 1997. 341 p.
5. Chokaev K. Z. Morfologiya chechenskogo yazyka. Slovoobrazovanie. Groznyiy, AN ChR Publ., 2010. 384 p.